

В походе Быль

Шел 1921 год. Кончилась гражданская война. Трое выпускников Херсонской мужской гимназии — Стучевский, Короб и Езерский — приехали в Одессу, чтобы продолжить свое образование. При царском режиме они по "процентной норме" поступили в гимназию. Нужно вспомнить, что центр губернии город Херсон не имел ни одного высшего учебного заведения, а в Одессе они были. Она была третьим городом в империи по величине.

Первым был Израиль Стучевский. Еще в школьные годы он проявил себя способным пианистом, поэтому поступление в одесскую консерваторию было разумным шагом. (В России было всего три консерватории: в Петербурге, Москве и Одессе.) Окончив ее, сменив имя на Семена, он вскоре стал концертмейстером Большого театра, а впоследствии народным артистом СССР. Но тут, в Одессе, пути наших героев разошлись.

Второй, Абрам Короб (мой отец), был в сложном положении. В гимназии он сидел за одной партой со Стучевским. Во время учебы в гимназии давал сольные концерты на скрипке у себя в Херсоне. Казалось, консерватория ждет его, но жизнь все изменила. Сначала умер его старший брат, а потом и отец. У него на руках остались шестеро сестер и братьев, мать и бабушка. Нужно было выбирать более простую, но надежную специальность. Он поступил на механический факультет одесского политехнического института и с первого курса начал параллельно с учебой подрабатывать. Все свои приработки он посылал домой в Херсон. Ему удалось двум старшим сестрам дать высшее образование (обе стали врачами), следующим — среднее, братья не получили никакого.

Третий — Яков Езерский, вместе с Коробом принятый по "процентной норме", не раздумывал, какую специальность себе выбрать. Во время гражданской войны он был у красных медбратом, поэтому и пошел учиться в медицинский институт.

В те времена общежитий не было. Друзья сняли комнату по улице Жуковского, рядом с тем домом, где когда-то жила Леся Украинка. Друзья жили очень бедно. Якову не в чем было ходить на лекции. Кто-то из друзей достал большой сахарный мешок. В нем прорезали отверстия для рук, разрежали так, чтобы получились штанины, и в таком наряде Яков ходил на лекции. Есть было нечего, и Яков решил перебраться в тогдашнюю сто-

лицу Украины — Харьков, где жили его замужние сестры. Мой отец пришел проводить друга на вокзал и принес две буханки белого хлеба. В то время это была настоящая драгоценность! За одну буханку проводник посадил Якова в вагон. Другая была для Якова единственной едой во время долгого пути до Харькова. Из-за постоянного перебоя с углем поезд вместо двух суток был в пути целых шесть. Так мне это об этом впоследствии рассказывал Яков Эммануилович.

В Харькове Якова сестры не впустили в квартиру. Они заставили на улице раздеться. И не удивительно — он был весь покрыт шевелящимися вшами! И сразу его сунули в горячую ванну, одежду сожгли, а одели его в старые вещи своих мужей.

Через некоторое время Якова приняли в медицинский институт на второй курс. Совершенно случайно он услышал, что дежурный врач в сумасшедшем доме получает бесплатно один стакан сладкого чая и два бутерброда с маслом, и сколько угодно кипятка. Яков начал дежурить за всех! Так он неожиданно приобрел специализацию. После окончания института он получил квалификацию врача-психиатра.

На рубеже 20-х — 30-х годов молодой психиатр Яков Эммануилович Езерский работал в Харькове на "Сабуровой даче" (так называлась психиатрическая клиника, построенная купцом Сабуровым на собственные деньги, куда вскоре он сам и попал), состоял членом ОПТЭ и проводил летний отпуск в туристских путешествиях.

Нынешнее устройство туризма отличается от того, что было в те времена. В советской стране туризм возглавляло и обслуживало Общество пролетарского туризма и экскурсий — ОПТЭ. Оно возникло в 1928-1930 годах на месте РОТ — Российского общества туристов. Организация была очень мощная. Она состояла из областных, городских и районных секций, ячеек на предприятиях и учреждениях, в институтах. Общество располагало сетью туристских баз, имело два завода по изготовлению туристского снаряжения. Один находился в Ленинграде, другой — в Нальчике. Туристской работой ведали ученые и краеведы, опытные путешественники. Председателем ОПТЭ был нарком юстиции Николай Васильевич Крыленко. В 1939 году эта система была погублена.

В течение года Яков, работая в больнице, принимал участие в делах секции, платил членские взносы, которые к лету складывались в довольно приличную сумму. На эту сумму выдавалась заборная книжка, которой можно было оплачивать пребывание на турбазах, прокат снаряжения, получение продуктов и кроме того, при предъявлении которой билеты на

все виды транспорта оплачивались половинной стоимостью. Туристы имели право на "круговой билет", то есть "туда" и "обратно". Ну и, конечно, при предъявлении такой книжки можно было взять проводника от одной турбазы до другой.

В то лето Яков намеревался пройти по Военно-Сухумской дороге. На Кавказе есть три перевальные дороги: Военно-Грузинская дорога, Военно-Осетинская дорога и Военно-Сухумская дорога. Так они располагаются с востока на запад, пересекая Главный Кавказский хребет. Военно-Сухумская дорога начинается в станции Баталпашинской и идет сначала по долине реки Кубань, а потом по долине ее притока — Теберда. Через перевал Клухорский (2782 м) она пересекает Кавказский хребет и подходит к городу Сухуми на берегу Черного моря. Есть еще варианты: пройти начальную часть пути от Пятигорска и Кисловодска до Карачаевска, дальше обычным маршрутом. И в конце пути спуститься не в Сухуми, а в Новый Афон (Ахали-Афони). Именно этот вариант избрал Яков.

У Якова был обычай: подбирать себе спутника на турбазе. Вы, конечно, можете сказать: "Как можно, впервые увидев человека, решить, что с ним можно идти в горы?". Напоминаю: Яков — психиатр, а значит, будучи хорошим психиатром, а он и был таким, он еще был хорошим психологом, значит, разбирался в людях. Пока обитатели турбазы делали экскурсии по Пятигорску, Яков присматривался к ним. К тому времени, когда посмотрели Ессентуки и перебрались в Кисловодск, компаньон был уже найден. Это был инженер Георгий, ровесник Якова.

Друзья вместе с остальными побывали на экскурсиях в самых интересных местах Кисловодска. Они побывали в экскурсии по Лермонтовским местам, в "Замке коварства и любви", посетили Кольцо-гору, "отметились" в бюветах минеральных источников. Вместе с тем они много часов провели в инструкторском кабинете, выписывая продукты и снаряжение для будущего похода. Нашелся и проводник — местный житель, имевший свою лошадь. Договорились, что проводник с лошадью будет их сопровождать до Карачаевска.

Раним утром они вышли с территории турбазы и зашагали вдоль реки Подкумок, рассчитывая вскоре прийти в горную область Карачай. На юго-западе синела горная цепь — Главный Кавказский хребет и отделявшийся от него массив — двухвершинный Эльбрус (5642 м и 5621 м). Временами дорога ныряла в ущелье, и ничего не было видно, кроме каменистых обрывов. Только река бежала им навстречу. Проводник подгонял свою лошадку, и друзья шли легко. Удивительно, но никого на дороге не

было, ни встречных, ни попутных, ни пеших, ни конных. Дорога была пустынная. Под вечер проводник чего-то заартачился и отказался продолжать с ними идти. Он сел на свою лошадку и, даже не взяв договоренной платы, ускакал назад. Положение резко изменилось: раньше тяжеленные рюкзаки ехали на лошади в перемет (притороченные к седлу по обе стороны животного). Теперь туристы взяли поклажу на плечи и пошли к ближайшему аулу. Как обычно, в начале похода — много продуктов, и рюкзаки были очень тяжелы.

Уже совсем стемнело, когда наши путники добрались до аула. На темном небе светились звезды. Здесь, в горах, они казались большими, чем на равнине. Усталые путешественники не стали искать особый ночлег, а просто постучали в крайнюю саклю, увидев пробивающийся свет. Хозяин сакли отчего-то страшно перепугался, увидев перед собой двух незнакомых мужчин, потом затащил наших друзей в саклю и выскочил во двор, а вернувшись, возбуждено спросил Якова: "Вас никто не видел в ауле?". Удивленный доктор ответил: "Нет!". Хозяин сакли сказал: "У нас сегодня был мятеж против советской власти. В ауле порубили всех, кто представлял власть, всех большевиков, и сейчас хватают всех, кто не местный". Яков механически пощупал свой партбилет. "Так вот почему удрал наш проводник!"

Руководил мятежом стекольщик. Человек с ящиком, которого все видели переходящим из аула в аул и занимающимся своим нехитрым ремеслом. Только в Лондоне знали, кому положено, имя того человека — офицера МИ-6. Те же люди, с которыми беседовал стекольщик, этого не подозревали. Они ему жаловались, что не вспоминают их древнее дворянство, их бывшие заслуги, что у богатых отняли стада. А стекольщик исподтишка поддерживал недовольство советской властью. И вот — мятеж!

Что делать? Попробовать идти вперед по маршруту? Возвращаться назад? Это пытались решить Яков, Георгий и хозяин сакли. Страсти немного улеглись, хозяин и путники уселись вокруг очага. Раздули огонь. Хозяин их покормил чем было. Яков и Георгий, в свою очередь, достали из рюкзаков нехитрую походную еду и угостили хозяина. И вдруг Яков заметил, что их у очага было не трое, а четверо. Четвертой была красивая молодая женщина. Она сидела в углу молча и неподвижно.

Что делать, так и не решили. Хозяин проводил Якова и инженера в чулан, закинул сверху на них всякие ненужные вещи и предупредил, что ни разговаривать, ни, тем более, выходить из чулана нельзя. Нужно дожидаться следующей ночи, а сейчас аул оцеплен, и всюду рыскают конные разъезды... Наступила вторая ночь. Хозяин пришел будить Якова и Георг-

гия, но они не спали. Хозяин сказал, что, к сожалению, изменений в их положении не произошло, и нужно по-прежнему опасаться всяких неожиданностей. Они, как вчера, сели у очага, поели и начали обмениваться впечатлениями с хозяином. Якова еще вчера заинтересовала странная женщина, сидевшая у очага.

— Хозяин! Скажи, пожалуйста, кто эта женщина, что сидит с нами у огня? — спросил Яков.

— Это моя жена. Она увидела, как наш единственный ребенок, наш мальчик, упал в пропасть. Она закричала и упала без чувств. Женщины подобрали ее, принесли в нашу саклю. С тех пор, а это уж не один год, она почти не двигается и почти не разговаривает. Я сам ее кормлю и даже мою.

— Слушай, хозяин! Я врач. Давай, я вылечу твою жену!

— Путник! Не достойно надсмехаться над горем человека! Если бы ты не был моим гостем, особой для меня священной, то ты бы узнал, из какой стали выкован мой кинжал!

— Да я, правда, могу вылечить твою жену!

— Многие пытались ее лечить: и ворожки, и знахарь, и даже сам мulla. Но ты видишь, она по-прежнему сидит молча у этого очага.

— Скажи, пожалуйста, твоя жена говорит по-русски?

— Нет, конечно.

— Давай, будешь учить меня вашим словам, а жену — русским!

— Зачем?

— Ты все сам поймешь!

С этого момента началась целенаправленная подготовка к сеансу гипноза необычной больной. Якову было необходимо, чтобы женщина его понимала, и можно было ей внушить, в чем и заключалось это лечение. Конечно, будь Яков немного постарше, то вряд ли он решился бы на этот шаг. Но несмотря на молодой возраст, у него был опыт и волевых решений, и тяжелых испытаний. Недаром во время гражданской войны он проработал медбратом! Ну, и Яков надеялся на свой лекарский опыт и удачу.

Так продолжалось несколько ночей. Да что несколько — пять! Несмотря на опасность, каждую ночь продолжалась учеба. Очень трудно было понять друг друга! Хозяин старался изо всех сил! Георгий тоже помогал как мог. Научившись разговаривать с больной, Яков загипнотизировал ее. И произошло чудо! Женщина встала, задвигалась по сакле и грудным голосом заговорила с хозяином. Опыт удался! Теперь и без гипноза она вела себя, как нормальный здоровый человек!

Хозяин был вне себя от радости. Но приближалось утро, и Якова и его

спутника Георгия нужно было опять прятать в чулане. Только они расположились под какими-то старыми тряпками, как раскрылась дверь чулана. Кто-то отбросил в сторону все это барахло и счастливым голосом прокричал:

— Дорогой! У нас снова Советы! Выходи! Весь аул ждет тебя! Все мои родственники стоят перед саклей! Они хотят увидеть и поблагодарить того, кто вернул с того света их сестру!

Зрелище было, конечно, необычайное. Перед саклей собралось, наверное, все население аула. Каждый хотел обнять доктора. Появились мехи с вином. На земле разостлали большой ковер. На нем была различная еда, холодная и горячая. На шампурах жарился шашлык из молодого барашка. Якова и Георгия усадили на самое почетное место. Молодежь, юноши и девушки, танцевали свои танцы. Ликование было всеобщим! Все хвалили волшебного доктора! Хозяин сказал Якову:

— Давай побратаемся!

Принесли рог с вином. Хозяин и Яков надрезали палец на руке и покапали кровь в вино, смешали и выпили. По обычаю гор они стали кровными братьями. Пришел ашуг, народный певец. Все мужчины приветствовали его стоя. У него в руках был музыкальный трехструнный инструмент, похожий на мандолину, на нем играли коротким смычком. (Яков постеснялся спросить, как он зовется.) Он настроил его и начал петь хвалу волшебному доктору Якову. Все поддерживали его рассказ громкими криками одобрения. Пиршество продолжалось до темноты.

Но как только стемнело, Яков и Георгий тихо подхватили свои рюкзаки и потихоньку удрали из аула. Вдруг бы простодушные горцы захотели, чтобы Яков приделал утраченную руку или ногу, вернул зрение или избавил от горба? В этом случае Якову вряд ли кто-нибудь позавидовал бы!

На небе светился месяц, и туристы за ночь прошли большой участок пути. Под утро они задремали в придорожных кустах. Когда они проснулись, над рекой плавал легкий туман, а по дороге двигались пешие и конные путники, попутные и встречные.

Через несколько дней русло реки Подкумок повернуло налево в боковую долину. Путешественники прошли мост в селении Карачаевск и двигались вдоль реки Теберда. Мост был деревянный, с особенностью: под него затекала река Теберда, а из-под него вытекала река Кубань. Наши туристы прошли вверх по реке немного от поселения и из больших камней сложили очаг. Собрать топливо на очаг было сложно — возле селений местные жители подбирали все, что горит. На ужин были каша и чай. Заснули. Утром то же "меню", продукты на исходе. К концу дня пришли

в Теберду. Природа здешних мест отличалась от той, что они видели раньше. Роскошная флора горноклиматического курорта Теберда, основанного перед первой мировой войной, ласкала взор. В Теберде была турбаза, наши путники решили там заночевать. Кроме того, на турбазе была столовая. Яков и Георгий поужинали и собирались еще и позавтракать.

По дороге к курорту друзья решили, что Яков будет представляться дамским парикмахером, а Георгий — шофером. И совсем не стоит рассказывать, как они сидели в чулане во время мятежа, и, тем более, говорить, как вылечили красавицу-горянку.

На турбазе кроме друзей были еще две группы: плановая и самодеятельная. В плановой было около тридцати туристов во главе с инструктором. Судя по разговорам, группу составляли московские студенты. Самодеятельная группа прибыла из Одессы. В ней — шесть студентов, руководители — студентка и еще одна девушка, работавшая после института. Якова удивило ее желание все обсуждать, о чем бы ни шел разговор.

Последний переход, и обе группы пришли на Северный приют. На ветру полоскался белый флаг с буквами О.П.Т.Э. (по орфографии того времени). Ровно натянутые палатки. Туристы начали готовить ужин. Инструктор раздал своим новенькие ледорубы и провел занятие по самостраховке на снегу. Все разошлись по своим палаткам. Только слышался голос высокой девушки из одесской группы. Из-за вечных споров Якову запомнилось ее имя — Рая.

Восхождение на перевал начали в пять часов утра. Прошли язык ледника. Прошли мимо красивого голубого Клухорского озера. Двигались по снежнику. Клухорский ледник — закрытый. Под снегом не увидишь трещины, но если туда угодишь — вряд ли удастся вытащить упавшего. Здесь как раз пригодились ледорубы и альпенштоки (горные палки из прочного бамбука, на одном конце — темляк, на другом — металлический штычок). Тропа шла по левому склону долины. Она была узкая, на ней едва помещались рядом башмаки. Цепочка растянулась вдоль склона. Первым шел инструктор, за ним его московская группа. Дальше шли одесситы: первой — руководитель, второй — Рая, дальше — юноши. За ними Яков и Георгий. Москвичи тщательно ставили перед собой ледоруб на расстоянии вытянутой руки, втыкали его в снег и подтягивались к ледорубу, делая два шага.

Рае стало скучно медленно двигаться в цепочке. Она выскочила из своего места и побежала слева от идущих. "Рая, стой! Рая!" — кричала руководитель. Руководитель побежала за ней, тем более что ведущие сворачивали за выступ скалы и вот-вот стали бы не видны идущим сзади. Она

пробежала метров десять и вдруг сорвалась с тропы. Все мелькало, а скорость скольжения все росла. Фотоаппарат на кожаном ремешке при каждом ухабе бил по голове. Она продолжала скользить на спине все ниже и ниже. Склон имел высоту четырехэтажного дома. Дальше — озеро. Неимоверным усилием ей удалось перевернуться на живот и еще сбросить одну лямку рюкзака на случай попадания в озеро. Теперь она вжала оба локтя в снег и затормозила в четырех метрах от воды. Рядом с ней стоял инструктор. Услышав крики одесситов, он остановил цепочку и в несколько прыжков спустился по снежнику, сохраняя самостраховку.

— Цела?

— Цела!

— Сами идти сумеете?

— Конечно.

— Я буду бить ступени, идите по ним.

И вот два человека медленно поднимаются на тропу. Конечно, спуститься было делом минуты, а добраться до тропы...

Рая стояла на своем месте в цепочке, как будто ничего не произошло. Яков во время этого события не позволил одесситам что-либо предпринимать, а то приключение могло стать трагедией. Зашагали дальше. С перевальной точки (2782 м) наконец увидели за перевалом море. Оно занимало половину всего, что можно было увидеть! Синее, голубое и зеленое, оно переливалось на солнце и манило к себе.

Главный Кавказский хребет пройден! Можно было спуститься прямо в Сухуми. Привал! Группы остановились на Южном приюте. Отдыхались. Инструктор собрал ледорубы и сдал их работникам приюта.

Вдруг Рая поднялась на ноги и с криком помчалась по тропе на Сухуми. Одесситы, не отдохнув, вынуждены были бежать за ней. Разумеется, это был первый и последний ее поход. Дома ее ждало решение ячейки ОПТЭ с запретом ходить в походы и выговор по профсоюзной линии.

Друзья повернули правее и вскоре с плановой туристской группой направились в бывший монастырь, по-грузински — Ахали-Афони. Казалось, на этот участок пути понадобится два дня, но тропа перешла в дорогу, шедшую к морю, и к полудню группа была на месте.

Монастырь был упразднен. В кельях монахов помещалась турбаза, а в трапезной работала столовая. Сразу по кипарисовой аллее наши друзья помчались к морю. На галечниковом пляже сбросили башмаки, спрятали документы и деньги и бросились в воду. Выбрались из моря вымытые, в постиранной одежде. Выкрученную одежду разложили на крупной темно-се-

рой гальке. Когда вещи немного подсохли, пошли в столовую обедать. После обеда сдали в прокатный пункт альпенштоки и другое прокатное снаряжение. Вечером еще раз, довольные, окунулись в волны Черного моря. Яков собирался окончить статью в медицинский журнал, поэтому посмотрел в парке уютное местечко, где можно спокойно писать статью.

Ужин был обычный. В столовой были расставлены столы на четырех. После ужина был традиционный компот с только что выпеченной булочкой. Спали без снов.

Проснувшись утром, Яков и его друг помылись и отправились в столовую. В столовой были заметные перемены — столы москвичей были сдвинуты в один. На нем были расставлены салаты, фрукты, горячее мясное блюдо, несколько бутылок местного вина, традиционный компот и, конечно, цветы в вазах. Москвичи во главе со своим инструктором стояли вокруг этого стола и чего-то ожидали.

Когда появились Яков с Георгием, их провели к почетному месту. Молодой турист Ваня запел заздравную из оперы Верди "Травиата", но несколько переделал ее слова:

"Наполним, наполним бокалы вином
И выпьем за Якова все мы!
Сегодня его светлый день рождения,
Его мы поздравить спешим!"

Вы помните, что это дуэт. И правда, к Ване присоединилась девушка из московской группы, Лиза, и продолжила "Застольную".

При первых звуках их пения Яков замер — это было не любительство! Они пели, как мастера! Яков слышал многих певцов, но таких можно услышать нечасто. Георгий тоже наслаждался удивительным пением. Потом все спели старинную студенческую:

"Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой
Собралися мы сюда..."

Оказывается, накануне Георгий в присутствии инструктора проговорился, что завтра у Якова день рождения. Вот почему по совету инструктора москвичи устроили этот праздник. Ваня запел украинскую народную песню:

"Глянь, яка ніченька
Ясная, зоряна..."

Инструктор тихо радовался. Подходили новые туристы и останавливались вокруг столов москвичей. В столовую вбежал дежурный инструктор

тор с красной повязкой на руке и что-то начал было говорить. На него дружно зашикали, и он смущено замолчал и тоже встал рядом с другими слушателями. Лиза пропела:

"Что мне жить
И тужить
Одиноко..."

Инструктор понимал, что недаром он выхлопотал разрешение на праздник и вместе со своими туристами устроил этот стол. Он подмигнул своим соседям и запел известную пионерскую:

"Вы послушайте, ребята (бита, бята),
Жили в лагере мы как (как, как),
И на солнце, как котята (тятя, тятя),
Грелись этак, грелись так!"

Хоть большинство туристов вышло из пионерского возраста, все дружно стали подпевать. Тут повара принесли большой торт с кремовой надписью "28" и нож, чтобы его разрезать. Яков начал расспрашивать, кто Ваня и Лиза. Оказалось, Иван Козловский — студент консерватории, а Елизавета Шумская окончила в провинции музыкальное училище и сейчас поет в одном из московских оперных театров. Оба они не знали, что через три года станут солистами Большого театра, гордостью советской оперной сцены, народными артистами.

Яков после "завтрака" пошел работать над статьей, а когда пришел на обед, столы стояли как обычно, а москвичей уже не было — их путешествие окончилось и они отправились домой. Инструктора тоже не было: он получил новую группу и занимался с ней.

Два дня — и статья была готова. Яков на почте переписал статью набело и послал ее в редакцию медицинского журнала. Утром следующего дня уехал домой Георгий, а вечером Яков сел на пароходик и отправился в Новороссийск. Оттуда поездом он прибыл в Харьков. Так окончился этот поход.

В 1952 году Яков Эммануилович Езерский отдыхал в одесском военном санатории напротив парка Шевченко. Здесь он встречался со своим другом детства Абрамом Давидовичем Коробом, к. т. н. доцентом, зав. кафедрой мукомольного института. Ваш покорный слуга также бывал у него в гостях. Он похвалил меня за то, что я занимаюсь туризмом. "Туристские походы — как теплый душ для психики. Медленно изменяющийся пейзаж при пешем движении по маршруту или на лодке — это то, что очень полезно человеку". Как-то под настроение он рассказал мне и об этом случае, а сейчас я — как запомнил — изложил его на бумаге.